

оно настолько связано с ощущением, что оба происходят одновременно и кажутся неотличимыми друг от друга.

Понятно, что зрелая рефлексия есть качественно новое состояние мышления, достигается лишь систематическим его задействованием и дисциплинированием. В чем заключается это новое качество? Гегель полагал, что это знание своих оснований, способов деятельности и полный самоконтроль. Полагаю, это недостижимый идеал, сильная метафора. Точнее следовало бы сказать: «кое-какое» знание и «кое-какой» контроль. Но и это уже заведомо отличает рефлексивное мышление от большинства сознаний в естественном, т.е. в не культивированном состоянии. Культивирование же заключается в регулярном задействовании мысли и волевом ее дисциплинировании: заставлять себя длительно сосредоточиваться, удерживая фокус внимания на неких затруднениях, вопросах, абстрактных предметах, не отвлекаясь на окружающее и вникая во все обстоятельства, перебирая варианты и комбинации с целью найти удовлетворительный ответ.

Рефлексивные состояния именно философствующего разума рождали, вплоть до Нового времени, основные приемы и методы теоретического мышления. Причем своеобразие их и характерные профили напрямую зависели от соответствующих онтологий, в лоне которых они появлялись. Каковы параметры картин мира – таковы диапазон, направления и ходы мыслей о состоянии дел в нем. *Методологии – оторефлексируемые алгоритмы построения онтологических схем.*

Красиков В.И., д.ф.н., проф., предс. Кузбасского отд. РФО (Кемерово)

* * *

ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ИСКУССТВЕННЫМ И ЕСТЕСТВЕННЫМ – ГЛУБИННАЯ ОСНОВА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Очевидно, что глобальные проблемы современности, как бы их ни понимали и сколько бы их не начисляли, имеют определенную экономическую, политическую и научно-техническую детерминацию. Но в данной статье я хочу обосновать тезис о том, что за всем этим стоит более глубокое основание. А именно, определенное проявление основного противоречия человеческого бытия – противоречия между искусственным и естественным.

Определим для начала понятия, указанные в заглавии. Искусственное и естественное не являются синонимами социального и природного. *Искусственное* это все то, что сделано человеком в соответствии с его идеальным замыслом, как в обществе, так и в природе. Все остальное – тоже как общество, так и в природе – является *естественным*, т.е. осуществляющимся независимо от человеческого сознания и в соответ-

ствии с объективными законами природы и общества. Сделанное человеком не может абсолютно соответствовать его идеальному замыслу изначально и тем более начинает жить своей жизнью, попадая в контекст определенной объективной ситуации. Тем самым оно становится естественным второго порядка, в то время как природное естественное может быть названо естественным первого порядка. Продолжая создавать искусственное, человек неизбежно попадает в ситуацию противоречия с природным естественным (в том числе в самом человеке) и искусственным, созданным ранее и ставшим естественным второго порядка. И это противоречие является базовым, лежащим в основе всех других противоречий человеческого бытия [1].

Под *глобальными проблемами современности* я понимаю такие проблемы, нерешаемость которых угрожает существованию человеческой цивилизации и экологии нашей планеты в целом. Этим они отличаются от локальных кризисов, уже имевших место в истории человечества (гибель Римской империи, цивилизации майя и т.п.). К их числу я отношу, прежде всего, *экологическую, военную и культурно-антропологическую* проблемы. Человечество может погибнуть (или непоправимо деградировать): в результате того, что оно делает природную среду обитания непригодной для жизни; вследствие глобального военного конфликта с применением оружия массового уничтожения; вследствие массовой культурной и антропологической (порча генофонда) деградации [2].

Перейдем теперь к доказательству того, что именно историческое развертывание противоречия между естественным и искусственным, является самой глубинной основой порождения глобальных проблем современности.

Прежде чем обосновать это положение, взглянем на некоторые другие противоречия, которые, казалось бы, тоже можно было взять за основу. Противоречие между потребностями и возможностями их удовлетворения, бесспорно, играет фундаментальную роль в качестве стимула развития. Но – не только человеческого, оно обще для всей живой природы, а его человеческая специфика задается чем-то другим. Бесспорна и роль противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Но оно лежит уже внутри социального, в то время как человек, перейдя к искусственному социальному образу жизни, не перестал быть естественным природным существом. Удлинив и усилив свои природные органы и даже создав сверхприродные, он – пока ещё – не превратился ни в киборга, ни в нано-субъекта.

Посмотрим теперь, в каких основных категориях отражается «клеточка», развертывание которой порождает человека с его особым образом жизни и его историю. Такими категориями, на мой взгляд, являются *адаптация* (приспособление), *творчество* (преобразование) и *отчуждение*. Человек – и в филогенезе и в онтогенезе – в начале своего жизненного пути предстает как существо, плохо приспособленное к

окружающей среде. Если бы в филогенезе он не обладал задатками, позволившими перейти к социальному образу жизни, а в онтогенезе не был бы окружен социальной средой, он не выжил бы. Естественная биологическая программа не обеспечивает его выживание. Только научение создавать, использовать и реализовывать им самим созданные, т.е. искусственные проекты и их воплощение спасает его. Творчество того, чего не было в природе, компенсирует недоадаптированность. И в результате он начинает жить в особом мире, в котором естественное (в природе и в нем самом) начинает как-то соотноситься с искусственным, причем с нарастающим ускорением и усложнением.

Положительные следствия такого дополнения хорошо известны. Но нас интересует характер того противоречия, которое здесь возникает. Суть его можно выразить одним словом, и выше оно уже было произнесено: это *отчуждение*. Очевидно, что такое утверждение нуждается в разъяснении. Дело в том, что марксистское понимание отчуждения описывает частный социально-экономический случай; такое понятие отчуждения не поднимается на уровень всеобщей категории, не отражает атрибутивную характеристику человеческого бытия. Сартр поднимает отчуждение на категориальный уровень, понимая под ним разрыв между человеком и исполняемой им функцией. Сугубо индивидуальная свобода, как основная характеристика человека, по мнению Сартра, неизбежно ущемляется в процессе любого функционирования человека и в объективируемых результатах функционирования. Существование человека становится неподлинным, он попадает в чуждый ему принудительный мир. До Сартра такого рода подход развивался Бердяевым. Здесь несогласие вызывает у меня фаталистическое принятие противопоставления абсолютно индивидуальной свободы и неизбежной общности (и, якобы, вытекающей отсюда принудительности) любой объективации.

Неподлинность отчужденного существования не определяется самим процессом объективации как таковым. Причина его заложена в другом – в отклонении результата человеческой деятельности в неприемлемую сторону относительно, во-первых, естественной ориентации человека как биологического существа и, во-вторых, того, что соответствовало бы его замыслу (искусственному проекту) уже как существа социального. Это отклонение обусловлено как онтологически – в силу вмешательства в процесс деятельности непредвиденных обстоятельств («вторжение бесконечности»), так и социально. Нас сейчас интересует именно социальная обусловленность отклонения. Несоответствие интересов имеющего частную собственность на средства производства и лишенного её, повторяем, – это частный случай некоей всеобщей причины. И причина эта заключается в том, что искусственные проекты, образы желаемых результатов деятельности и предпочтения у разных людей могут *не совпадать* вплоть до взаимоисключения. И разница эта определяется отнюдь не только их классовой принадлежностью.

Идея о связи отчуждения с вынужденным подчинением своего существования чужому замыслу была развита В.М. Вильчеком. Он показал, что начало человеческой истории положило «отчуждение, обусловившее переход от существования по видовой, заданной природой программе к существованию по чужому образу и подобию»³. Видимо, есть смысл различать объективное и субъективное основание отчуждения. Искажение замысленного конечного продукта под воздействием объективных обстоятельств есть объективное основание того, что нами же спроектированный мир вдруг оказывается для нас чуждым. Вильчек же выделяет субъективное основание. Двигаясь в этом направлении, я пришел к выводу, что мир оказывается чуждым для определенного человека и потому, что он спроектирован под чужой для него образ: противоречащий его ценностям, непонятный, трудный для приспособления. И потому – враждебный или, по крайней мере, безразличный (от «Это не мое» до «пофигизма»). Такая субъективная чуждость может иметь самые разнообразные формы: психологические, политические, религиозные, нравственные, эстетические и т.д. Познание мира и совершенствование средств воздействия на него, т.е. освоение объективной реальности позволяет минимизировать объективное основание отчуждения, а возрастание органического единства между людьми, вытеснение индивидуалистической конкуренции тем, что Н.Ф. Федоров назвал в свое время «родственностью», – минимизировать субъективное основание. Но до конца ни то, ни другое неустранимы, они столь же имманентны человеческому бытию, как трагичность – мировому бытию в целом.

Наличие отчуждения существенно изменяет характер двух других фундаментальных черт лежащих в основе противоречия между искусственным и естественным: *адаптации* и *творчества*. Приспособление к социальной среде, хотя и сохраняет определенные биологические механизмы приспособления, не может не приобрести социальный, искусственно вырабатываемый характер. Господствующая программа, определяющая общий образ жизни, может оказаться навязываемой извне, чуждой тем или иным людям. Но если у них нет сил заменить её своей программой, они вынуждены приспособливаться. Суть этого социального приспособления А. Тойнби хорошо выразил с помощью понятия «мимесиса» – мимикрии, создание видимости следования чуждым нормативам. Он показал это, в частности, на примере отношений между «творческим» и «правлящим» меньшинствами. Первое из них вырабатывает идеи революционного преобразования общества. Второе, внешне принимая эти идеи, на их волне приходит к власти, но реализует не столько их, сколько собственные прагматические представления об устройстве общественной жизни. А большинство уже вынуждено, ритуально повторяя идеи как мало понятные лозунги, фактически приносиваться к реально установленным порядкам [4].

Творчество в мире отчуждения далеко от того светлого образа, который рисуют те, кто за лозунгом «Человек – это звучит гордо» пред-

почитают не видеть реальных противоречий. В самом деле, разве мы стояли бы сейчас на пороге глобальной катастрофы, если бы реализация достижений человеческого творчества не искажалась атмосферой отчуждения? Я имею здесь в виду не то, на что сетовали Бердяев и Сартр – не искажение через объективацию. *Само по себе творчество не безгрешно*. То, что восхищает творца своей новизной, яркостью, открывающимися перспективами, совсем не обязательно должно радовать всех живущих на земле. По тем или иным причинам для многих его результаты окажутся чуждыми, а их внедрение – насильственным. И не только вследствие их недоразвитости, хотя и это имеет место. Помимо этого элементарного случая они просто могут быть *иными* по своим ценностным ориентациям и установкам и отнюдь не нуждаться, скажем, в «продвижении демократии» по западному образцу. Более того, если творец думает только о самовыражении, не снисходя до осмысления контекста его последствий, то бог новизны легко превращается в демона разрушения. Иными словами, не озабочиваясь чувством меры, творчество нового во имя нового как такового (или кому-то выгодного нового) способно вместо пусть и не идеальной естественной соразмерности порождать непредсказуемую искусственную *несоразмерность* человека природе, другим людям и самому себе.

Взглянем с позиций выявленного основного противоречия на ход человеческой истории и современное состояние мирового сообщества. Нарастание отчуждения по мере усложнения и дифференциации общества приводит, в конечном счете, к резкому отставанию культуры *субъектно-субъектных* отношений от технологии отношений *субъектно-объектных*. Становясь все более мощными в деле преобразования объективной реальности, люди и друг к другу во многом относятся по тому же шаблону, т.е. как к преобразуемым «вещам», объектам, а не к иным субъектам, требующим не «обработки людей людьми», но *диалога*, основанного на *взаимопонимании*. Но такое взаимопонимание (не утилитарная взаимовыгодность!) является довольно редким случаем в межчеловеческих отношениях – от политических и экономических до семейных. И потому вместо «диалога культур» (М. Бахтин) и личностей мы чаще имеем с одной стороны *манипуляцию* чужим сознанием и поведением [5], а с другой – бессознательное или осознанное сопротивление, *борьбу* (отнюдь не сводящуюся к классовой) с подчинением чуждым образцам.

Совершенствование технических средств как манипуляции, так и сопротивления ей ещё более усиливает субъектно-объектный характер человеческих отношений. Но и сами *ценности*, во имя которых строятся таким образом развивающиеся отношения, имеют также субъектно-объектную природу. В так называемом постиндустриальном обществе эти ценности предстали во всей своей красе: *победа в конкуренции* («креативность» во имя «успешности»), *власть, богатство, престижное потребление, игра* (развлечения). И все по максимуму. А общим

прикрытием служит девиз «свободы самовыражения». Но при ориентации на выше перечисленные ценности эта свобода для одних оборачивается рабством для других: свобода навязывания *своего образца*. И уж совсем лицемерно в такой ситуации звучат призывы к «толерантности».

Весьма значимым *new how* нынешних манипуляторов, обладающих властью и богатством, является то, что к экономическому и силовому подавлению они добавили *информационное* манипулирование. В самом деле, зачем сразу репрессировать инакомыслящих – предоставим им «свободу слова», но сделаем так, что их никто не будет слушать. А для этого проведем соответствующую обработку возможной массовой аудитории: введем в их сознание и подсознание свои образцы (в основе которых лежат те ценности, что выше были названы), сделаем эти образцы модными и привлекательными, а способность критически сравнивать их с другими программами ликвидируем. Разве не этой цели служит шоу-бизнес, внедрение клипового «мышления» СМИ и минимизация системного логического мышления в образовании?

Понятно, что люди, прошедшие такую обработку, будут стремиться к «успешности» на своем уровне, по максимуму развлекаться и не мешать «элите» вести мир к глобальной катастрофе в безоглядной эксплуатации природы, своих конкурентных разборках и развращении масс производителей-потребителей.

В марксистской терминологии такое устройство общества называется *капитализмом*, и нет никаких оснований отказываться ни от этого термина, ни от справедливой критики этого строя. Отказ от первого и забвение второго как раз могут служить примером успешной информационной манипуляции. Пора преодолеть её воздействие. Разделяя марксистский подход к критике капитализма, я, в то же время, считаю недостаточными и саму эту критику и предлагаемые меры по преодолению кризисной ситуации, неизбежно порождаемой этим строем. Да, конечно, надо ограничить произвол частной собственности и рыночной стихии. Но само по себе изменение экономического строя и смена господствующего класса не решают проблемы. Попытка построения социализма в XX веке показала это. Представители рабочих и крестьян, ставшие номенклатурой, довольно быстро осознали, что частное владение народным добром им как-то больше по душе. А значительная часть населения в процессе реставрации капитализма продемонстрировала, что образ мещанина, нарисованный Зощенко, вполне современен. Где он «новый человек»? Если есть деньги, то на бытовом уровне жить стало лучше и низменные страсти можно не скрывать. И кто будет думать о *глобальных* последствиях такого образа жизни, когда здесь и сейчас столько соблазнов?

Стало быть, дело не только в экономике и классовой борьбе. И «формирование нового человека» не попутное следствие переделки «базиса», но исходное условие решения экономических и политических

проблем и вообще и глобальных проблем современности в особенности. Если в обществе нет критической массы людей, ориентированных на преодоление отчуждения и способных к этому преодолению, то любые политические и экономические преобразования не выведут нас из замкнутого круга. Если мы ориентированы на победу в конкуренции и максимальное следование своему образцу поведения, а не на диалог и взаимопонимание, то при современных средствах взаимного уничтожения и господстве «массовой культуры» глобальные проблемы неизбежны. И в перспективе нас ждет глобальная катастрофа. Без «революции духа» и радикальной переоценки базовых ценностей её не избежать.

Но разве в той реальной ситуации, к которой привела человеческая история, призыв к духовному совершенствованию, призванному обеспечить общее счастье на земле, а не на небе, не утопичен? Увы, достаточно утопичен. Но другого пути я не вижу. И если уж рисковать, то надо иметь такой образ человека и его ценностей, который, на мой взгляд не представлен ни в одном из имеющихся мировоззрений. Но это уже особая тема.

Литература

1. См.: Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения): В 3 ч. Ч. 1: Философия и жизнь. СПб. 1997. С. 21-29; Ч. 3: Антропология. СПб. 1999. С. 47-52.
2. См.: Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения): В 3 ч. Ч. 3: Антропология. СПб., 1999. С. 270-274.
3. Вильчек В.М. Алгоритмы истории. М., 1989. С. 26. См. также: Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения): В 3 ч. Ч. 3: Антропология. СПб. 1999. С. 50-58.
4. См.: Тойнби А. Постигание истории. М., 2001.
5. См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.

Сагатовский В.Н., д.ф.н., проф. (Белгород)

E-mail: vn-sagat@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Рубрику ведет Лилия Федоровна Матронина

E-mail: matronina@mirea.ru

ДИАСПОРА – ПОЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

Культуры возникают и развиваются, взаимодействуя друг с другом. И первым полем этого взаимодействия становится диаспора. Диаспора – это та среда, где непосредственно развивается и обогащается культура.

Развитие диаспор осуществляется путем распространения культуры, ценностей и традиций своего народа, но и одновременно интегра-